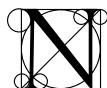

(PHILOSOPHY)

Эрих
ФРОММ

Из плена
иллюзий

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 159.9
ББК 88.5
Ф91

Серия «Философия — Neoclassic»

Erich Fromm

BEYOND THE CHAINS OF ILLUSION

Перевод с английского *Т. Панфиловой*

Серийное оформление и дизайн переплета —
А. Кудрявцев, А. Ткаченко, студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения The Estate of Erich Fromm
and of Annis Fromm и литературного агентства
Lierman AG, Literary Agency.

Фромм, Эрих.

Ф91 Из плена иллюзий / Эрих Фромм ; [пер. с англ.
Т. В. Панфиловой]. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 224 с. — (Философия — Neoclassic).

ISBN 978-5-17-100942-7

Эрих Фромм — крупнейший мыслитель XX века, один из великой когорты «философов от психологии» и духовный лидер Франкфуртской социологической школы. «Из плена иллюзий» — работа, в которой великий ученый исследует генезис, мифологию и основные философские аспекты двух учений, в максимальной степени повлиявших на формирование мышления интеллигенции XX века — марксизма и фрейдизма.

УДК 159.9
ББК 88.5

© Erich Fromm, 1962

© Перевод. Т. Панфилова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-100942-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

I.	Несколько эпизодов из моего личного прошлого . . .	7
II.	Общие основы	19
III.	Концепция человека и его природы	36
IV.	Эволюция человека	43
V.	Человеческая мотивация	49
VI.	Больной индивид и больное общество	55
VII.	Понятие душевного здоровья	79
VIII.	Индивидуальный и социальный характер	90
IX.	Социальное бессознательное	111
X.	Судьба обеих теорий	167
XI.	Еще несколько мыслей по обсуждаемой теме	184
XII.	Кредо	214

Требование отказа от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях.

Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы — не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишённой всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком.

Карл Маркс

Человек не может вечно оставаться ребенком, он должен в конце концов выйти в люди, в «чуждый свет». Мы можем назвать это «воспитанием чувства реальности».

Нет, наша наука не иллюзия. Иллюзией, однако, была бы вера, будто мы еще откуда-то можем получить то, что она не способна нам дать.

На месте Ид (Оно) должно быть Эго (Я).
Зигмунд Фрейд

I. Несколько эпизодов из моего личного прошлого

Если человек задаётся вопросом о том, как возник его интерес к тем областям мысли, которым суждено было занимать наиболее важное место на протяжении всей его жизни, ответить ему будет не так-то просто. Может быть, у него была врождённая склонность к некоторым вопросам; может быть, на путь формирования его будущих интересов его привело влияние то ли кого-то из учителей, то ли общепринятых идей, то ли личных переживаний, — кто знает, какой из этих факторов определил ход его жизни? Конечно, если бы кто-то захотел точно определить относительный вес каждого из этих факторов, ответ можно было бы дать только с помощью подробной исторической автобиографии.

Поскольку целью настоящей книги является интеллектуальная автобиография, а вовсе не историческая, я постараюсь выбрать такие переживания отрочества, которые привели меня позже к тому, что я заинтересовался теориями Фрейда и Маркса, а также отношением между ними.

Если я хочу понять, как получилось, что первостепенный интерес для меня приобрёл вопрос о том, почему люди поступают именно так, а не иначе, меня, пожалуй, устроило бы предположение, что единственному ребёнку в семье достаточно иметь вечно оза-

боченного и угрюмого отца и склонную к депрессии мать, чтобы у него пробудился интерес к странному, таинственным причинам реакций человека на окружающий мир. До сих пор в памяти жив один случай — должно быть, мне было тогда около 12 лет, — который подтолкнул мои мысли гораздо дальше прежнего и подготовил мой интерес к Фрейдю, проявившийся лишь десятилетие спустя.

Вот что за случай. Я знал тогда одну молодую женщину, друга нашей семьи. Ей было, видимо, лет 25; она была красива, привлекательна, к тому же она была художницей — первая в жизни знакомая мне художница. Помнится, я слышал, что она была помолвлена, но через некоторое время разорвала помолвку. Помнится, она практически неизменно находилась в компании своего овдовевшего отца. Насколько я его помню, он был старым, неинтересным или, лучше сказать, невзрачным; по крайней мере, мне так казалось (возможно, моё представление о нём было навеяно ревностью). Однажды я услышал шокирующую новость: её отец умер, сразу после этого она покончила с собой, оставив завещание, в котором специально оговорила своё желание быть похороненной вместе с отцом.

Я никогда раньше не слышал ни об эдиповом комплексе, ни об инцестуозных привязанностях между дочерью и отцом. Но меня этот случай глубоко задел за живое. Я был очень увлечён этой молодой женщиной; её непривлекательного отца я невзлюбил; и никогда прежде я не знал никого, кто покончил бы жизнь самоубийством. Меня пронзила мысль: «Как это возможно?» Как это возможно, чтобы красивая молодая женщина настолько возлюбила своего отца, чтобы предпочла быть похороненной вместе с ним, вместо

того, чтобы жить, получая удовольствие от жизни и от занятий живописью?

Ответа у меня, конечно же, не было, но вопрос «как это возможно» засел у меня в голове. И когда я познакомился с учением Фрейда, оно показалось мне ответом на загадочное и пугающее переживание того времени, когда я ещё только вступал в пору отрочества.

Мой интерес к идеям Маркса имел совершенно иную подоплёку. Я воспитывался в религиозной еврейской семье, и книги Ветхого Завета волновали и развлекали меня больше, чем любые другие внешние воздействия. Впрочем, далеко не всё в Ветхом Завете действовало на меня в равной степени. История покорения иудеями Ханаана вызывала у меня скуку и отвращение; я не находил ничего хорошего в рассказах о Мардохее и Эсфири; не ценил я в то время и Песню Песней. Зато на меня произвели большое впечатление рассказы о непослушании Адама и Евы; о заступничестве Авраама перед Богом ради спасения жителей Содома и Гоморры, о миссии Ионы в Ниневии и многие другие фрагменты Библии. Но больше всего меня растрогали книги пророков Исайи, Амоса, Осии; и не столько своими предостережениями и предсказаниями грядущих несчастий, сколько обещанием «конца времени», когда народы «и перекуют мечи свои на орала, и копия свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будет более учиться воевать» (Исайя 2; 4), когда все народы станут друзьями и когда «земля будет наполнена видением Господа, как воды наполняют море» (Исайя 11; 9).

Картина всеобщего мира и гармонии между народами глубоко тронула меня, когда мне было всего лет 12—13. Непосредственную причину того, что идеи мира и интернационализма были мною усвоены ещё тог-

да, надо искать, скорее всего, в особенностях моего положения: мальчик — еврей в христианском окружении, испытывающий на себе некоторые проявления антисемитизма и, что ещё важнее, чувствующий отчуждённость и клановую обособленность обеих сторон. Я терпеть не мог клановости и, может быть, именно потому, что испытывал непреодолимое желание вырваться из эмоциональной замкнутости одинокого, хотя и избалованного мальчика. Что могло быть для меня более волнующим и прекрасным, чем пророческое видение всеобщего братства и мира?

Все эти личностные переживания, возможно, не так глубоко и надолго подействовали бы на меня, если бы не событие, определившее моё развитие больше, чем что бы то ни было ещё: Первая мировая война. Когда началась война летом 1914 года, я был четырнадцатилетним мальчуганом, для которого наиважнейшим вкладом в личный опыт стали и общая возбуждённость от известия о начале войны, и празднование побед, и трагедия смерти солдат, которых я лично знал. Меня не беспокоила тогда проблема войны как таковой; её бессмысленная бесчеловечность тогда ещё не поражала меня. Но вскоре всё изменилось, чему поспособствовал опыт общения с моими учителями. Мой учитель латыни, который на протяжении двух лет до войны заявлял на уроках, что его любимым изречением является «хочешь мира — готовься к войне», пришёл в восторг, когда разразилась война. Тут-то до меня дошло, что его видимая забота о мире не могла быть истинной. Как это возможно, чтобы человек, который, казалось, всегда беспокоился о сохранении мира, теперь так ликовал по поводу начала войны? С тех пор мне трудно поверить в то, что, вооружаясь, мы способствуем сохранению мира, даже когда этот

принцип отстаивают люди, в гораздо большей степени обладающие доброй волей и честностью, чем мой учитель латыни.

Точно так же меня поразила истерия ненависти к англичанам, охватившая в те годы всю Германию. Они вдруг превратились в жалких торгашей, злобных и бессовестных, стремящихся истребить наших простодушных и слишком доверчивых немецких героев. Посреди этой всенародной истерии в моей памяти особняком стоит одно событие, имевшее для меня решающее значение. На занятиях по английскому языку нам задали выучить наизусть Британский национальный гимн. Это задание мы получили накануне летних каникул, когда ещё был мир. Когда же возобновились занятия, мы, мальчики, — частично из озорства, частично под влиянием общего настроения ненависти к Англии — заявили учителю, что отказываемся учить национальный гимн нашего нынешнего злейшего врага. До сих пор вижу, как он, стоя перед классом, отвечает на наши протесты иронической улыбкой и спокойно говорит: «Не морочьте себе голову, до сих пор Англия не проиграла ещё ни одной войны». То был голос здравого смысла и реализма посреди безумной ненависти, и этот голос принадлежал уважаемому учителю, которым я восхищался! Одно лишь это высказывание в сочетании с тем, как спокойно и рассудительно оно было произнесено, явилось для меня лучом света, прорвавшимся сквозь ставшую привычной околтелую ненависть и национальное самовосхваление. То был прорыв, заставивший меня с удивлением подумать: «Как это возможно?»

Чем старше я становился, тем больше росли мои сомнения. Многие мои дяди, двоюродные братья, более старшие школьные товарищи погибли на фронте;

предсказанная генералами победа обернулась ложью, и скоро я научился понимать двойной смысл выражений «стратегическое отступление» и «победоносная оборона». К тому же произошло ещё кое-что. С самого начала немецкая пресса представляла дело так, будто война навязана немецкому народу завистливыми соседями, желавшими задушить Германию, чтобы избавиться от удачливого конкурента. Войну изображали как борьбу за свободу: в самом деле, разве Германия сражалась не против русского царя — этого воплощения рабства и угнетения?

Хотя всё это звучало убедительно в течение некоторого времени, особенно потому что не слышно было ни одного возражения, моё доверие к этим утверждениям начало подтачиваться сомнениями. Прежде всего стало известно, что всё большее количество депутатов-социалистов голосуют в рейхстаге против военного бюджета и подвергают критике официальную позицию германского правительства. По рукам ходил памфлет под названием «J'accuse» (Я обвиняю), в котором в первую очередь обсуждался вопрос о вине за войну — насколько я помню — с позиции западных союзников. Из него явствовало, что правительство империи вовсе не является невинной жертвой нападения, а наоборот, вместе с австро-венгерским правительством несёт основную ответственность за войну.

А война продолжалась. Окопы протянулись от границы Швейцарии на север до самого моря. Поговорив с солдатами, люди узнавали о том, как те жили, втиснувшись в окопы и блиндажи, под сильнейшим артиллерийским огнём, означавшим, что противник переходит в наступление, вновь и вновь пытаюсь прорваться, и всё безуспешно. Год за годом молодые здо-

ровые солдаты каждой из воюющих наций, обитая в земляных углублениях, подобно животным, убивали друг друга из винтовок и пулемётов, ручными гранатами и штыками. Бойня продолжалась под лживые обещания скорой победы, фальшивые заявления о собственной невиновности, столь же фальшивые обвинения в адрес проклятого врага, притворные изъявления готовности заключить мир и неискренние провозглашения условий мира.

Чем дальше это продолжалось, тем больше я вырос и тем насущнее становился вопрос «Как это возможно?» Как это возможно, чтобы миллионы людей продолжали жить в окопах, убивать ни в чём не повинных представителей других народов и погибать сами, причиняя глубочайшую боль своим родителям, женам, друзьям? За что они воюют? Как это возможно, чтобы обе стороны верили, что воюют за мир и свободу? Как это возможно, чтобы разразилась война, когда все утверждали, что не хотят её? Как это возможно, чтобы война продолжалась, когда обе стороны заявляют, что им не нужно никаких завоеваний, что им нужно лишь сохранить своё национальное достояние и целостность страны? Если же, как показали дальнейшие события, обе стороны всё-таки стремились к завоеваниям и жаждали прославить своих политических и военных лидеров, как это возможно, чтобы миллионы людей с обеих сторон позволили истреблять себя ради какого-то куска территории или из-за тщеславия каких-то лидеров? Является ли война результатом случайности, лишённой смысла, или же она — продукт определённого социального и политического развития, осуществляемого по своим законам, — развития, которое можно понять — или даже предсказать, если знать природу этих законов?

Когда закончилась война в 1918 году, я уже был глубоко озабоченным молодым человеком: меня всецело захватил вопрос о том, как возможна война; я был одержим желанием осмыслить иррациональность поведения человеческих масс, страстным желанием мира и взаимопонимания между народами. Больше того, я стал очень подозрительно относиться к официальным идеологиям и декларациям и проникся убеждением, что сомневаться надо во всём.

Я постарался показать здесь, какие переживания отрочества породили у меня горячий интерес к учениям Фрейда и Маркса. Меня мучили вопросы о явлениях индивидуальной и общественной жизни, и я жаждал получить на них ответ. Ответы я нашел в учениях как Фрейда, так и Маркса. Но меня подстегивали и противоположность двух систем, и желание объяснить эту противоречивость. В конечном итоге чем старше я становился и чем больше учился, тем больше я сомневался в некоторых положениях обеих систем. Тогда-то ясно определился мой основной интерес. Я захотел понять, какие законы управляют жизнью отдельного человека и каковы законы общества, управляющие людьми в их социальном существовании. Я попытался найти непререкаемую истину в построениях Фрейда, отделив ее от положений, нуждавшихся в пересмотре. То же самое попробовал я проделать и с теорией Маркса. Наконец я постарался собрать воедино и своё понимание обоих мыслителей, и критическое отношение к ним. Причём эту попытку я предпринял не только с помощью теоретических рассуждений. И не то чтобы я был невысокого мнения о чистом умозрении (всё зависит от того, кто занимается умозрением); но, уверовав в высшую ценность сплава эмпирических наблюдений с умозрительными построениями (больш-

шая часть трудностей, с которыми сталкивается современная общественная наука, связана с тем, что в ней зачастую содержатся одни лишь эмпирические наблюдения без каких-либо умозрительных построений), я всегда стараюсь предоставить своей мысли возможность руководствоваться наблюдением фактов и, если кажется, что наблюдение подтверждает её, стремлюсь пересматривать свои теоретические положения.

Что касается моей психологической теории, у меня была прекрасная возможность для соответствующих наблюдений. На протяжении более 35 лет я был практикующим психоаналитиком. Я тщательно обследовал поведение, свободные ассоциации и сновидения тех людей, которых подвергал психоанализу. Как в этом, так и в других моих сочинениях нет ни одного теоретического вывода, который не основывался бы на критическом наблюдении за поведением человека в процессе психоаналитической работы. Что же касается изучения общественного поведения, то я не так активно занимался им, как психоаналитической практикой. Хотя я страстно интересуюсь политикой лет с 11—12 (когда мы обсуждали политические вопросы с одним социалистом, занятым в бизнесе моего отца) и по сей день, я в то же время понимаю, что по своему темпераменту не гоюсь для политической деятельности. Поэтому я не принимал в ней участия вплоть до недавнего времени, когда я вступил в американскую социалистическую партию и включился в движение за мир. Я поступил так не потому, что изменил мнение относительно своих способностей, а потому, что почувствовал, что мой долг — не оставаться в стороне, когда мир, похоже, движется к им же избранной катастрофе. Спешу добавить, что это было больше, чем чувство долга. Чем более нездоровым и обесчелове-